

—

Это был фильм с посредственным качеством картинки и очень тихим звуком. Субтитров не было, а язык — испанский или итальянский — Цзи Фу разобрать не мог. Из колонок размером в полчеловека исходил звук, похожий на попытки доброго черного лабрадора притвориться тибетским мастифом, натянув меховой воротник: он толком даже зарычать не мог.

На площади никому не было дела до фильма, который крутили через проектор. Хаотичный свет вокруг и разноцветные фонари делали и без того невнятное изображение на экране еще более размытым. Цзи Фу не стал смотреть дальше. Он повернул голову — Вань Дишэн куда-то пропал. На мгновение ему показалось, будто он случайно забрел на шумный ярмарочный базар из какого-то этнографического фильма. Из-за Кануна Нового года люди нарядились в пух и прах: маленькие девочки были в ярко-красных ватниках с меховой оторочкой и валенках-зайчиках. Цзи Фу медленно шел вперед, а вокруг людей клубился пар от жаровен торговцев и дым от отгремевших хлопушек и фейерверков.

Особенно сильное ощущение нереальности у Цзи Фу возникло, когда навстречу ему прошла группа молодых людей в традиционных костюмах и длинных накидках. Он снова оглянулся, пытаясь найти Вань Дишэна. На тележках уличных торговцев по обе стороны улицы горели гирлянды цветных огней, рассыпаясь астигматическими полосами. Они шлейфом тянулись перед глазами Цзи Фу. Эта незнакомая площадь, безымянный городок и неразборчивая местная речь вызывали у него легкое головокружение.

Его перехватили. Пройдя вслед за толпой около двух минут, Цзи Фу ощутил, как Вань Дишэн схватил его за руку и спросил:

— Ты куда убежал?

— А? — не понял Цзи Фу. В следующий миг перед его глазами мелькнул ярко-красный цвет — абсолютно новогодний шарф. Вань Дишэн накинул его Цзи Фу на шею и сказал:

— Только из упаковки, может немного пахнуть. Но по дороге назад станет еще холоднее, так что пока перебейся этим.

— Новогодние бонусы работникам? — с улыбкой спросил Цзи Фу, подхватив шарф за кончик и небрежно обернув его вокруг шеи.

— Угу.

Запах действительно был, но не сильный. Если походить в нем немного по площади, он, скорее всего, выветрится, к тому же шарф оказался очень теплым. Цзи Фу слегка припрятал подбородок в мягкую ткань, пошел дальше, оглядываясь по сторонам, и спросил:

— А куда мы идем?

— Ты не будешь смотреть фильм?

Они спросили это одновременно. Вань Дишэн ответил первым:

— В той стороне есть открытая площадка, где можно запустить фейерверки.

— Фильм... — Цзи Фу замялся, снова глянув на толпу впереди. — Лучше пойдем досмотрим фильм.

Проекционный экран установили прямо над перекрытым фонтаном, соорудив подмости из деревянных досок. На боковой стороне висела табличка «Влезать запрещено», так что смотреть приходилось, задрав голову. Вань Дишэн не особо любил задирать голову — Цзи Фу замечал это и раньше; к тому же тот часто носил бейсболку, скрывая глаза в тени. Однако, когда он поднимал голову, профиль его лица выглядел невероятно красивым. Прямой, точеный нос плавной линией переходил к губам, подбородку, шее и кадыку, уходя затем под воротник. Как раз в этот момент кто-то неподалеку искал знакомых, подсвечивая себе фонариком телефона, и луч белого света скользнул по другой стороне лица Вань Дишэна, еще сильнее подчеркнув контраст света и тени на его и без того скульптурных чертах.

По мере того как время неумолимо приближалось к полуночи, народу становилось все больше. Никто не собирался тратить время в новогоднюю ночь на иностранное кино, где не знали ни актеров, ни языка, — люди просто проходили мимо.

Рука Цзи Фу плотно прижималась к руке Вань Дишэна: стоит в такой толпе дать слабину и образовать хоть небольшую брешь между спутниками, как людской поток, словно рукав реки, непрерывно начинает просачиваться сквозь нее.

Как показала практика, если долго стоять перед тем, что ты не понимаешь, в голову начинает лезть всякая чушь — прямо как на уроках, когда от непонятной темы витаешь в облаках. Цзи Фу пару раз потерев шарф и услышал, как наклонившийся к нему Вань Дишэн произнес:

— Я ничего не понимаю.

Цзи Фу улыбнулся:

— Я тоже.

— Правда?

— Да, я даже не могу понять, на каком языке они говорят, — ответил Цзи Фу.

Он знал, что Вань Дишэн считает его очень умным, но на самом деле он вовсе не был настолько всемогущим, чтобы знать кучу иностранных языков. Цзи Фу указал пальцем куда-то себе за плечо. Вань Дишэн обернулся и увидел тележку с засахаренными фруктами на палочке.

— Тебе с апельсином или с клубникой? — спросил он.

Цзи Фу с трудом сдержал улыбку, глядя ему в глаза:

— Я хочу «взлетную петарду».

Когда тележка с засахаренными фруктами отъехала, наконец-то неторопливо подтянулись торговцы пиротехникой. Впрочем, так говорить было бы не совсем верно: по правилам запуска фейерверков в новогоднюю ночь им разрешалось выходить на площадь только за полчаса до полуночи.

— Петарду? — переспросил Вань Дишэн, глядя на него с нескрываемым недоверием.

— Ага. Но запускать будешь ты, я боюсь, — чистосердечно признался Цзи Фу.

Вань Дишэн пошел и отстоял очередь, купив целый пакет мелких взлетных петард. Перед фонтаном на площади люди автоматически образовали полукруг, ожидая полуночного боя часов. Цзи Фу тоже ждал; смотреть на экран телефона сейчас не требовалось — окружающие вели отсчет в реальном времени: «Осталось пять минут!», «Четыре с половиной!».

Когда наступила полночь, первым фейерверком, привлечшим внимание Цзи Фу, был вовсе не тот, что гремел вдалеке, озаряя почти полнеба, и не мелкие цветные хлопучки, трещащие прямо под ногами. Это был фейерверк на экране фильма. Цзи Фу стоял абсолютно спокойным посреди ликующей толпы. Он вдруг понял, почему на Канун Нового года крутили именно этот неизвестный фильм: в тот самый миг, когда время перескочило на 00:00, главные герои кинокартины тоже запустили свой первый фейерверк.

Похоже, во многих вещах так и происходит: нужно дойти до определенного момента, чтобы осознать все, что было до этого.

Возможно, кто-то посчитает, что это «ради капли уксуса пельмени лепили», но для других это никакой не уксус и не пельмени, а огонек, несущийся во весь опор по фитилю с закрытыми глазами, чтобы в конце концов рвануть смеющейся рожицей: «Ха-ха, не ждали?».

Он поднял руку, поправил шарф на шее и, повернув лицо к Вань Дишэну, сказал:

— С Новым годом.

— С Новым годом, — ответил Вань Дишэн.

Вань Дишэн велел ему достать шарф и не стирать его вместе с остальными вещами, иначе он мог линять. Цзи Фу снова открыл дверцу стиральной машины, разгреб одежду внутри, спас шарф и, сидя на корточках, спросил:

— А он не полиняет в розовый?

— Нет, — Вань Дишэн вынес две пиалы с лапшой, заправленной соломкой из свинины, маринованной горчицей и зеленью. — Завяжи волосы и вымой руки.

В день, когда шарф стирали в последний раз, в Маочэне потеплело. Вань Дишэн снял с кровати один матрас и пошел на крышу покурить. На бельевой веревке сушился красный шарф Цзи Фу.

Он подошел к перилам, чтобы закурить. Опустив взгляд, он увидел, как внизу Цзи Фу ведет Сяоманя обратно в переулок Даоянь. У входа в переулок Цзи Фу заглянул в парикмахерскую сестры Сунь. Сестра Сунь вышла и перекинулась с ним парой фраз, после чего Цзи Фу повел собаку дальше.

Не прошло и минуты после того, как Сяоманя вернули в бакалейную лавку, как у Вань Дишэна зазвонил телефон. Он ответил, не дав Цзи Фу вставить и слова:

— Я на крыше, курю.

— О, — отозвался Цзи Фу. — Я пойду постригусь, спустись посиди в лавке.

— Хорошо.

Мастерство сестры Сунь было на высоте: она не стала стричь Цзи Фу слишком коротко, сказав, что ему так идет, и оставила немного длины на затылке. В хвост это уже было не собрать — придется ждать как минимум до следующей зимы.

Вань Дишэн сидел в лавке. Когда кто-то вошел, он поднял голову — это был Дэн Юй, — и снова опустил взгляд.

Дэн Юй фыркнул:

— Ты чего до сих пор с этим копаешься? Ты же говорил, что не будешь ремонтировать?

Вань Дишэн сидел за кассой, на привычном месте Цзи Фу, держа в руках беспроводную мышь. Он совершенно буднично ответил:

— Доплатили.

— А, ну тогда надо чинить, — проговорил Дэн Юй, усаживаясь и жадно делая несколько глотков кипяченой холодной воды.

— Там все уладили? — спросил Вань Дишэн.

— Ой, и не спрашивай! — Дэн Юй с грохотом поставил стакан, выплеснув немного воды, и уже собрался вскочить, но заметив, что взгляд Вань Дишэна соскользнул к двери — видимо, кто-то вошел, — тоже обернулся.

Несколько волосков завалились за воротник, вызывая у Цзи Фу неприятные ощущения. Он похлопал рукой по затылку, но это не помогло. Шагнув внутрь, он пару раз потянул за футболку — застрявшие на спине состриженные волосы кололись. Он сказал Вань Дишэну:

— Сестра Сунь не взяла с меня денег, потому что ты в прошлый раз не взял с нее денег за ремонт фена.

— Волосы за ворот упали? — спросил Вань Дишэн.

— Угу, — кивнул Цзи Фу. — Ничего страшного, лень идти в душ, сегодня жарко. Сполоснусь сейчас — вечером снова придется.

С этими словами он подошел, улыбнулся Дэн Юю и спросил:

— В магазине, где работает сестра Сюэ, камеру наблюдения починили?

— Даже не говори! — Дэн Юй хлопнул рукой по стойке кассы. — По телефону мне трещала, что камера сломалась: только установили, а три дня подряд картинка — сплошное серое пятно! Я приехал посмотреть — а объектив камеры тупо в стену уперся!

— ... — Цзи Фу на секунду замер, а потом рассмеялся: — Ха-ха-ха-ха-ха!

Вань Дишэн тоже засмеялся, едва не выронив паяльник:

— И кто ее ставил?

Дэн Юй развел руками и пару раз качнул ими:

— Да откуда я знаю! Что за гений такой, который перед от зада отличить не может? Как он из

дома-то выходит, штаны задом наперед не надевает? Я действительно впечатлен.

Цзи Фу мимоходом убрал нано-ленту обратно на полку и снова потянул ворот одежды. Вань Дишэн не смог больше на это смотреть, отложил инструмент на стол, поднялся и сказал:

— Подойди-ка.

— Что такое?

Он достал из шкафа старый фен — его изначально принесли из дома, но из-за малой мощности решили оставить в лавке, чтобы сдувать пыль с плат. Вань Дишэн включил его в розетку, развернул Цзи Фу за плечи к себе спиной, проверил температуру воздуха на своей ладони и, оттянув его задний воротник, направил струю внутрь.

В заведении сестры Сунь не работал кондиционер, и пока Цзи Фу сидел там в кожаном кресле, он немного вспотел. От горячего воздуха по телу побежали мурашки, он поежился и повернул голову:

— Щекотно.

Вань Дишэн взглянул на него, сделал еще пару продувочных движений под воротником, выключил фен и выдернул шнур из розетки.

— Мастерство сестры Сунь растет на глазах, постригла тебя очень даже симпатично, — оценил Дэн Юй. — Надо тоже сходить, чтобы она меня подстригла.

— Это у него лицо симпатичное! — Сестра Сунь как раз перед этим набросила на него накидку и со смехом добавила: — Сделать тебе по бокам под машинку, а сверху хохолок оставить, а?

— Да ну тебя, сестра, постриги нормально, просто коротко, — ответил Дэн Юй.

— А где Дэн Юй? — вошла Чэн Цянь, держа в руках картонную коробку. — Вы тут вдвоем?

— Пошел стричься, — сказал Цзи Фу.

— Достань мне самую маленькую пружинную пластину, — попросил Вань Дишэн Цзи Фу, а затем бросил взгляд на коробку в руках Чэн Цянь: — Положи вещи и иди к нему, он у сестры Сунь.

— У меня эта ультрафиолетовая лампа-сушилка сломалась, — с беспомощным видом вздохнула Чэн Цянь. — Купила с рук б/у, гарантии нет.

Вань Дишэн уже закончил возиться с мышкой. Нацелкнул крышку, прижал и отложил:

— Оставь здесь, я гляну.

Чэн Цянь подошла, поставила коробку и поправила сумку на плече:

— Ты сначала со своим разберись, я не тороплюсь.

Цзи Фу подошел поближе и поинтересовался:

— Ультрафиолетовая лампа? Для дезинфекции и стерилизации?

— О, ты постригся, — Чэн Цянь посмотрела на него и покачала головой. — Да нет, подрабатываю немного, делаю маникюр.

Вань Дишэн выдернул из удлинителя зарядку для телефона и включил шнур от лампы Чэн Цянь. При включении в сеть лампа мигнула один раз и погасла.

— Провод перебился, — сказал Вань Дишэн. — Подожди секунду.

Он взял электрическую отвертку, открутил нижнюю панель лампы, отрезал старый шнур питания и взял новый. Снял внешнюю изоляцию, скрутил медные жилы и обмотал изолентой.

Снова включил в розетку — ультрафиолетовая лампа внутри загорелась ровным светом. Чэн Цянь облегченно вздохнула:

— Спасибо! Эх, а я уж боялась, что ее не починить.

Вань Дишэн поднял мусорное ведро и смахнул со стола обрезки изоляции:

— Пустяки, мелкая поломка.

— Ладно, я тогда пойду.

Цзи Фу и Вань Дишэн одновременно подняли на нее головы. Она действовала стремительно: подхватила лампу, засунула в коробку и, прижав ее к себе, ушла. Вскоре после ее ухода вернулся подстриженный Дэн Юй. Он взъерошил волосы на голове и спросил:

— Ну как, братаны, круто?

Вань Дишэн ничего не ответил. Цзи Фу оказался более отзывчивым и кивнул:

— Весьма круто.

— Мне кажется, Чэн Цянь меня больше не любит, — Дэн Юй перескочил на другую тему с резкостью Сяоманя, знакомящегося с другими собаками: секунду назад они дружелюбно нюхали друг у друга под хвостом и кружились, а в следующее мгновение уже оскаливали зубы и бросались друг на друга, словно кровные враги.

В последнее время из-за весенне-летних дождей дедушка Юань страдает ревматизмом, поэтому Цзи Фу помогал выгуливать собаку.

— С чего такие выводы? — Цзи Фу присел и уставился на него.

Вань Дишэн посмотрел на Цзи Фу и молча продолжить убираться на столе.

— Да сам не знаю, ничего конкретного не произошло... Наверное, я просто потерял для нее привлекательность... — Дэн Юй достал телефон и стал разглядывать свое отражение в погасшем экране.

Вань Дишэн достал мусорный пакет, завязал его и напомним:

— Вы встречаетесь уже лет шесть или семь.

Подразумевалось: если она смогла смотреть на эту физиономию шесть или семь лет, то дело вряд ли в лице.

— Тогда почему? — с мрачным видом протянул Дэн Юй.

— А ты спроси у нее, — предложил Цзи Фу.

Вань Дишэн вышел выкинуть мусор, явно не желая участвовать в этой беседе.

Разговоры о чувствах редко приводят к разумным выводам, притом люди, никогда не состоявшие в отношениях, часто любят выступать в роли «военных советников» в чужой личной жизни. Цзи Фу не стал исключением: его взгляд сделался предельно серьезным — точно так же он раньше вчитывался в К-линейные графики и документы регулятора.

Цзи Фу, словно психотерапевт из сериала, слушал рассказы Дэн Юя о том, что происходило во время их медового месяца в Юньнани. Дэн Юй хотел купить Чэн Цянь и то, и это, а Чэн Цянь твердила, что одно не нужно, а другое бессмысленно. Затем перешли к тому, что Чэн Цянь в последнее время выглядит очень измотанной и даже после работы занимается дома рукоделием и подработками.

Вань Дишэн, выбросив мусор, не стал сразу возвращаться в лавку. Он зашел в бакалею, купил бутылочку устричного соуса и уселся на корточки почесать собаку.

Почесывая ее, он поглядывал в сторону лавки.

Цзи Фу с абсолютно некомпетентным видом анализировал ситуацию:

— Смотри, ты каждый день уходишь на работу в шесть утра и пашешь до двенадцати ночи. Она видит, как тебе тяжело, и тоже хочет заработать побольше. С чего ты взял, что она тебя не любит?

Вань Дишэн продолжал чесать собаку за ухом, пес сыто причмокивал.

Дэн Юй вздохнул:

— Не знаю... Чувство такое. Ты когда-нибудь любил? Вот именно это ощущение, когда что-то идет не так. Это как если бы завтра утром Лао Вань вдруг не купил тебе завтрак. Хотя ты и сам можешь пойти и купить его, но все равно — что-то уже не так.

— Что за дурацкий пример... — сказал Цзи Фу. — Сегодняшний завтрак вообще привез курьер, это вещи совершенно разного порядка. Впрочем, я действительно не понимаю твоего чувства. Я ни с кем не встречался.

На улице пес поднял голову, недоумевая, почему его перестали чесать.

Однако при слове «любовь» Цзи Фу действительно вспомнил одного человека — свою мать.

У Цзи Фу никогда не было отношений; именно несколько романов Цзи Юй привели к тому, что у него не сформировалось ни понятия о «любви», ни каких-либо ожиданий от нее. Его мать, скопив ресурсы и связи у богатого бизнесмена — его биологического отца, — забрала сумму денег и ушла. В последующие годы у нее было несколько ухажеров, но ни один роман не длился долго: от пары недель до нескольких месяцев.

Он не мог судить, были ли любовные похождения Цзи Юй провалом, потому что она

действительно бывала счастлива. Вот только никто из них так и не смог заставить ее бросить пить — наоборот, она стала пить еще больше. Однако тогда, когда он считал любовь бесполезной штукой, эта мать, не добившаяся в сфере «любви» никаких общепринятых успехов, острием кухонного ножа выковыривала косточки из дольки лайма, бросала ее в его стакан и говорила: «Любовь — полезная вещь. Когда у тебя ничего нет, ты можешь обменять любовь на деньги богача или на заботу обычного человека. Разумеется, при условии, что у них это есть, а ты готов это принять».

«Так значит, любовь нужна для обмена?» — тогда Цзи Фу был в полном замешательстве.

«Милый, как только у тебя появляются желания, тебе неизбежно придется отдавать что-то взамен, — говорила ему Цзи Юй. — Даже в сказке Русалочке пришлось отдать свой голос, что уж говорить об этом реальном мире, где на всем висит ценник». После чего она чокалась своим бокалом красного вина с его стаканом воды с лаймом.

«Ну ладно», — ответил тогда Цзи Фу.

В тот день Цзи Юй много выпила, и они разговаривали. Они были как многие обычные мать и сын, которым после взросления ребенка требуется особый антураж, чтобы начать разговоры на такие «взрослые» темы.

Хотя он не мог полностью разделить взгляды Цзи Юй на любовь, человеческие представления постоянно меняются. Взять хотя бы его самого: если бы кто-то вернулся на три года назад и спросил тогдашнего Цзи Фу, готов ли он, лишившись всего, остаться в какой-то хозяйственной лавке и просто проедать остатки жизни, трехлетней давности Цзи Фу просто расхохотался бы в лицо. Но прямо сейчас он сидел здесь и слушал жалобы Дэн Юя на любовные невзгоды.

Дэн Юй сидел повесив нос.

Цзи Фу подумал немного и спросил:

— А какой жизни ты хочешь?

Дэн Юй пожал плечами:

— Богатой жизни.

— А потом?

— А потом жить богатой жизнью.

На этот раз в замешательство пришел Цзи Фу.

Ему вдруг показалось, что у всех вокруг есть то, чего они хотят, будь то деньги или любовь. Дэн Юй хочет жить в достатке, Вань Дишэн хочет зарабатывать и копить, да и у Цзи Юй, если подумать, были весьма четкие желания.

В эти дни через мини-приложение капало по два-три заказа в день — лучше, чем ничего. Жители города для ремонта техники предпочитали местных мастеров, и к ним обращались только тогда, когда в городе образуется очередь. Ближе к вечеру Юань Мань пришла к Цзи Фу делать домашнее задание. Вань Дишэн вынес им настольную лампу, а сам ушел выгуливать собаку.

Вечером, поднимаясь к себе, Цзи Фу внезапно остановился на четвертом этаже, и Вань Дишэн чуть не врезался ему в спину. Цзи Фу обернулся. Поскольку он стоял ступенькой выше, то смотрел на Вань Дишэна сверху вниз:

— Я понял, как решать ту задачу про разницу в возрасте матери и сына!

— Поздно, — сказал Вань Дишэн. — Дамань в это время уже сны видит.

— Эх! — досадно вздохнул Цзи Фу.

На стыке весны и лета ночи выдались прохладными, из туч время от времени доносились раскаты грома. Цзи Фу никак не мог заснуть. Он редко вспоминал о матери, но сегодня после обеда все думал о жизни Цзи Юй, а затем — о своей собственной.

Он был похож на дракона из западных сказок, который, расправив крылья и заслонив небо, восседает на вершине горы из сверкающих самоцветов в своей пещере. И вот в один день все это в одно мгновение обнулилось и стерлось. Возникшее ощущение катастрофы принесло ему не уныние и боль, а скорее внезапное осознание того, что он ни за что не может ухватиться. Позже он затерялся в догадках: а какой же жизни хочет он сам?

Он не мог уснуть, пребывая в полудреме. При ударе грома он нахмурился и открыл глаза, глянув на экран телефона: на заблокированном экране погода показывала грозу.

Он вдруг вспомнил, что на крыше все еще сушится шарф.

Цзи Фу тихонько откинул одеяло, обулся и взял ключи от двери на крышу.

На улице поднялся сильный ветер. В последнее время погода была непредсказуемой: то поливал дождь при палящем солнце, то наоборот.

Цзи Фу подсвечивал себе фонариком телефона; дверь на крышу с грохотом захлопнулась от порыва ветра. Его шарф был приколот прищепками к бельевой веревке. Дождь еще не начался, и он поспешил вперед.

Тучи надвигались, вдалеке вспыхнуло светлое пятно. Цзи Фу повернул голову, и в его зрачках отразились зловещие молнии, полоснувшие по краю неба. Внизу заверещала сигнализация электроскутера, ветер гонял мусор, с грохотом швыряя пластиковые бутылки.

На мгновение показалось, что наступает конец света, хотя весна только-только вступала в свои права.

Перепад температур между днем и ночью был огромным, а он только что вылез из-под теплого одеяла, поэтому съежился от холода и крепче прижал шарф к себе.

В тринадцать ночи прямо над головой нависла туча, похожая на черного кита. Цзи Фу поднял голову и посмотрел вверх. В его руках броским кричаще-красным пятном трепетал шарф на фоне старой крыши.

Раздался двойной лязг — это снова открылась дверь на крышу. Ключи были у Цзи Фу, поэтому, выходя, он не стал запираť ее изнутри. Вань Дишэн толкнул дверь и вышел, ошеломленно уставившись на него.

«Лао Вань боится спать один», — Цзи Фу внезапно вспомнил фразу, сказанную Дэн Юем.

Цзи Фу подошел к нему:

— Я поднялся за шарфом.

Вань Дишэн все еще выглядел растерянным, пристально глядя на него.

Цзи Фу накинул шарф ему на шею, на секунду замешкался, а затем погладил его по щеке. Рука ожидаемо оказалась ледяной. Ветер перед грозой гудел между домами, изредка вспыхивали молнии, похожие на раскаленные нити накаливания в лампочках, а следом гремели оглушительные весенние раскаты грома.

Вань Дишэн перехватил его руку, лежавшую на его щеке:

— Я думал, ты ушел.

«Весна...» — Цзи Фу посмотрел на него, шагнул ближе, мягко обнял его другой рукой за спину и тихонько похлопал по ней, ничего не говоря.

Эта мятежная, сумбурная весна, подумал Цзи Фу.

—

<http://bllate.org/book/20074/1986924>